

Царь Саул Леванидович
Поехал за море синее,
В дальну Орду, в Полувецку землю,
Братъ дани и невыплаты.
А царица его проводила
От первого стану до второго,
От второго стану до третьего,
От третьего стану воротилася,
А сама она царю поклонилася:
«Гой еси ты еси, царь Саул,
Царь Саул Леванидович!
А кому мене, царицу, приказываешь,
А кому мене, царицу, наказываешь?
Я остаюсь, царица, черевоста,
Черевоста осталась на тех порах».
А и только царь слово выговорил,
Царь Саул Леванидович:
«А и гой еси, царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна!
Никому я тебе, царицу, не приказываю,
Не приказываю и не наказываю;
А токо ли тебе Господи сына даст, -
Вспои, вскорми и за мной его пошли;
А токо ли тебе Господи дочеря даст, -
Вспои, вскорми, замуж отдай,
А любимого зятя за мной пошли;
Поеду я на двенадцать лет».
Вскоре после него царице Бог сына даст,
Поп приходил со молитвою,
Имя дает Костентинушком Сауловичем.
А и царское дитя не по годам растет,
А и царское дитя не по месяцам, -

А который ребенок двадцати годов,
Он, Костентинушка, семи годков.
Присадила его матушка грамоте учиться, -
Скоро ему грамота далася и писать научился.
Будет он, Костентинушка, десяти годов,
Стал-то по улицам похаживати,
Стал с ребятами шутку шутить,
С усатыми, с бородатыми,
А которые ребята двадцати годов
И которые во полу-тридцати,
А все ведь дети княженецкие,
А все-то ведь дети боярские,
И все-то ведь дети дворянские,
Еще ли дети купецкие.
Он шутку шутят не по-ребячью,
А творки творил не по-маленьким:
Которого возьмет за руку, -
Из плеча тому руку выломит,
И которого заденет за ногу, -
По гузна ногу оторвет прочь;
И которого хватит поперек хребта, -
Тот кричит-ревет, окарачь ползет,
Без головы домой придет.
Князи, бояра дивуются
И все купцы богатые:
«А что это у нас за урод растет,
Что это у нас за выблядочек?»
Доносили они жалобу великую
Как бы той царице Азвяковне,
Молоды Елены Александровны.
Втапоры скоро завела его матушка во теремы свои,
Того ли млада Костентинушка Сауловича,

Стала его журить-бранить,
А журить-бранить, на ум учить,
На ум учить смиренно жить.
А млад Костентин сын Саулович
Только у матушки выпросил:
«Гой еси, матушка
Молоды Елена Александровна!
Есть ли у мене на роду батюшка?»
Говорила царица Азвяковна,
Молоды Елена Александровна:
«Гой еси, мое чадо милое,
А и ты молодой Костентинушка Саулович!
Есть у тебе на роду батюшка,
Царь Саул Леванидович;
Поехал он за море синее,
В дальну Орду, в Полувецку землю,
Братъ дани, невыплаты,
А поехал он на двенадцать лет;
Я осталася черевоста,
А черевоста осталася на тех порах.
Только ему, царю, слово выговорила:
«А кому мене, царицу, приказываешь и наказываешь?»
Только лишь царь слово выговорил:
«Никому я тебе, царицу, не приказываю и не наказываю;
А токо ли тебе Господь сына даст, -
Ты-де вспои, вскорми, Сына за мной пошли;
А токо ли тебе Господь дочеря даст, -
Вспои, вскорми, замуж отдай,
А любимого зятя за мной пошли».
Много царевич не спрашивает,
Выходил на крылечко на красное:
«Конюхи, приспешники!

Оседлайте скоро мне добра коня
Под то седелечко черкесское,
А в задней слуге и в передней слуге
По тирону по камению,
По дороге по самоцветному,
А не для-ради мене, молодца, басы, -
Для-ради богатырские крепости,
Для-ради пути, для дороженьки,
Для-ради темной ночи осенней,
Чтобы видеть при пути-дороженьки
Темна ночь до бела света».
А и только ведь матушка видела, -
Ставал во стремя вальящетое,
Садился во седелечко черкесское;
Только он в ворота выехал, -
В чистом поле дым столбом;
А и только с собою ружье везет,
А везет он палицу тяжкую,
А и медну литу в триста пуд.
И наехал часовню, зашел Богу молиться,
А от той часовни три дороги лежат.
А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо:
Кто этой дорогой поедет,
Конь будет сыт – самому смерть;
А другою крайнею дорогою левою:
Кто этой дорогой поедет,
Молодец сам будет сыт – конь голоден;
А среднюю дорогою поедет, -
Убит будет смертью напрасною.
Втапоры богатырское сердце разъярилося,
Могучи плечи расходилися,

Молоды Костентинушка Саулович
Поехал он дорогою среднею.
Доезжат до реки Смородины,
А втапору Кунгур-царь перевозится
Со темя ли татары погаными.
Тут Костентинушка Саулович
Зачал татаров с краю бить
Тою палицею тяжкою.
Он бьется-дерется целый день,
Не пиваючи, не едаючи,
Ни на малый час отдыхаючи.
День к вечеру вечеряется,
Уж красное солнце закатается,
Молодой Костентинушка Саулович
Отъехал он от татар прочь.
Где бы молодцу опочив держать,
Опочив держать и коня кормить?
А ко утру заря занимается,
Ай младой Костентинушка Саулович
Он, молодец, это сна подымается,
Утренней росой умывается,
Белым полотном утирается,
На восток он Богу молится.
Скоро-де сядил на добра коня,
Поехал он ко Смородины-реки.
А и тута татары догадалися,
Они к Кунгуру-царю пометалися:
«Гой еси ты, Кунгур-царь,
Кунгур-царь Самородович!
Как нам будет детину ловить,
Силы мало осталось у нас?»
А и Кунгур-царь Самородович:

Научил тех ли татар поганных:
Копати ровы глубокие:
«Заплетайте вы туры высокие,
А ставьте поторчины дубовые,
Колотите вы надолбы железные».
А и тут татары поганые
И копали они ровы глубокие,
Заплетали туры высокие,
Ставили поторчины дубовые,
Колотили надолбы железные.
А поутру рано-ранешенько,
На светлой заре, рано утренней,
На восходе красного солнышка,
Выезжал удалой добрый молодец,
Млады Костентинушка Саулович.
А и бегаёт-скачет с одной стороны
И завернется на другую сторону,
Усмотрел их татарские вымыслы,
Тамо татары просто стоят;
И которых вислоухих всех прибил,
И которых висячих всех оборвал.
И приехал к шатру, к Кунгуру-царю,
Разбил его в крохи говенные,
А достальных татар домой опустил.
И поехал Костентинушка ко городу Угличу;
Он бегаёт-скачет по чисту полю,
Хоботы метал по темным лесам,
Спрашивает себе сопротивника,
Сильна могуча богатыря,
С кем побиться, подраться и поратиться.
А углицки мужики были лукавые,
Город Углич крепко заперли

И <в>збегали на стену белокаменну,
Сами они его обманывают:
«Гой еси, удалой добрый молодец!
Поезжай ты под стену белокаменну,
А и нету у нас царя в Орде, короля в Литве,
Мы тебе поставим царем в Орду, королем в Литву».
У Костентинушка умок молодешенек,
Молодешенек умок, зеленешенек,
И сдавался на их слова прелестные,
Подъезжал под стену белокаменну;
Они крюки, багры заметывали,
Подымали его на стену высокую
Со его добрым конем.
Мало время замешкавши,
И связали ему руки белые
В крепки чембуры шелковые
И сковали ему ноги резвые
В те ли железа немецкие;
Взяли у него добра коня
И взяли палицу медную,
А и тяжку литу в триста пуд;
Сняли с него платье царское цветное
И надевали на него платье опальное,
Будто тюремное;
Повели его в погребы глубокие,
<В>место темной темницы.
Только его посадили, молодца,
Запирали дверями железными
И засыпали хрящом – пески мелкими, -
Тут десятники засовались,
Бегают они по Угличу,
Спрашивают подводы под царя Саула Леванидовича,

И которые под царя пригодились.
И проехал тут он, царь Саул,
Во свое царство в Алыберское.
Царица его, царя, стретила
А и молоды Елена Александровна.
За первом поклоном царь поздравствовал:
«Здравствуй ты, царица Азвяковна,
А и ты, молода Елена Александровна!
Ты осталася черевоста,
Что после мене тебе Бог дал?»
Втапоры царица заплакала,
Скрозь слезы едва слово выговорила:
«Гой еси, царь Саул Леванидович!
Вскоре после тебе Бог сына дал,
Поп приходил со молитвою,
Имя давал Костентинушком».
Царь Саул Леванидович
Много ли царицу не спрашивает,
А и только он слово выговорил:
«Конюхи вы мои, приспешники!
Седлайте скоро мне добра коня,
Который жеребец стоит тридцать лет».
Скоро тут конюхи металися,
Оседлали ему того добра коня,
И берет он, царь, свою сбрую богатырскую,
Берег он сабельку вострую и копье морзамецкое,
Поехал он скоро ко городу Угличу.
А те же мужики-угличи, извозчики,
С ним ехавши, рассказывают,
Какого молодца посадили в погребы глубокие,
И сказывают, каковы коня приметы
И каков был молодец сам.

Втапоры царь Саул догадается,
Сам говорил таково слово:
«Глупы вы, мужики, неразумные!
Не спросили удала добра молодца
Его дядины-вотчины,
Что он прежде того
Немало у Кунгура-царя силы порубил.
Можно за то вам его благодарити и пожаловати,
А вы его назвали вором-разбойником,
И оборвали с него платье цветное,
И посадили в погреба глубокие,
«В» место темной темницы».
И мало время поизойдучи,
Подъезжал он, царь, ко городу Угличу,
Просил у мужиков-угличов,
Чтобы выдали такого удала добра молодца,
Который сидит в погребах глубоких.
А и тут мужики-угличи
С ним, со царем, заздорили,
Не пускают его во Углич-град
И не сказывают про того удала добра молодца:
«Что-де у нас нет такого и не бывало».
Старики тут вместе соходилися,
Они думали думу единую,
Выводили тут удала добра молодца
Из того ли погреба глубокого
И сымали железа с резвых ног,
Развязали чембуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А медну литу в триста пуд,
И его платьице царское цветное.

Наряжался он, молодой Костентинушка Саулович,
В тое свое платье царское цветное;
Подошел Костентинушка Саулович
Ко царю Саулу Леванидовичу,
Стал свою родину рассказывати.
А и царь Саул спохватается,
А берет его за руку за правую
И целует его во уста сахарные:
«Здравствуй, мое чадо милое,
Младой Костентинушка Саулович!»
А и втапору царь Саул Леванидович
Спрашивает мужиков-угличов:
«Есть ли у вас мастер заплечный с подмастерьями?»
И тут скоро таковых сыскали
И ко царю привели.
Царь Саул Леванидович
Приказал казнить и вешати,
Которые мужики были главные во Угличе.
И сажидися тут на свои добры кони,
Поехали во свое царство в Алыберское.
И будет он, царь Саул Леванидович,
Во своем царстве в Алыберском,
Со своим сыном младом Костенушком Сауловичем,
И съехалися со царицею, обрадовалися
Не пива у царя варить, не вина курить,
Пир пошел на радостях,
А и пили да ели, потешалися.
А и день к вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
И гости от царя разъехалися.
Тем старина и кончилася.